

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ВИКИНГОВ

Очевидно, первое, что хотелось бы сказать читателю, держащему в руках эту книгу, — ему повезло принять участие в настоящем историческом исследовании в команде опытных профессионалов.

Книга Бергсвейнна Биргиссона вряд ли может быть отнесена к какому-то одному строго определённом жанру. Это и вполне серьёзный научный труд, убедительно решающий поставленную автором задачу и снабжённый классическим аппаратом из полутысячи ссылок. Одновременно это и увлекательный художественный роман, а точнее — сага, в центре которой судьба яркой личности, сплетённая с сотнями других северных судеб и десятками вызовов и жизненных обстоятельств. И в то же время

это увлекательный детектив-квест, последовательно проводящий читателя по большинству закоулков повседневности мира Северной Европы эпохи викингов, знакомящий с нюансами быта и тонкостями мироощущения человека того времени. И, конечно же, это классический роман-путешествие — читатель, вместе с автором и его героями, как когда-то Нильс с дикими гусями, оказывается в самых разных местах этого удивительного пространства: от суровых побережий Белого моря до пиршественного зала конунгов Дублина, от оживлённой гавани Авалдснеса до находящегося на самом краю Мидгарда северного берега Исландии. Книга синтетична, динамична и написана на той самой зыбкой грани научного и популярного жанров, на которой всегда мастерски умела балансировать западноевропейская мысль. Как ни крути, со времён Геродота вот уже две с половиной тысячи лет непоколебленным остаётся главный тезис — история должна быть интересно рассказана и интересно описана, иначе знание о ней вскоре растает как утренний туман. Как представляется, Бергсвейнну Биргиссону это блестяще удалось.

В центре внимания автора находится время жизни его героя и по совместительству, вероятно, дальнего предка, Гейрмунда Хельярскина, Гейрмунда Чёрная Кожа, как принято переводить его прозвище в современных изданиях саг. Основной вопрос, который позвал писателя к письменному столу, формулируется достаточно просто: почему о Гейрмунде, которого в сагах именуют наиболее могущественным поселенцем Исландии и который, без сомнения, был весьма заметной персоной королевской крови, не сложили отдельной саги и почему сам он предстаёт в источниках как весьма противоречивая личность?

Время, в котором живут герои книги, исключительно интересно. Это, в основном, вторая половина IX века — удивительного и переломного столетия в истории Европы, и не только её. Именно в эти годы на востоке и севере континента, с отставанием в три-четыре сотни лет от Запада, начинают складываться по-

хожие друг на друга и своих предшественников, но всё же очень особые ранние варварские королевства. Процесс этот охватывает большинство славянских земель и, конечно же, Скандинавию. Именно к середине столетия наивысшего размаха достигают набеги дружин викингов на Западную Европу, набеги, становящиеся подлинным стихийным бедствием для прибрежных земель и глубинных территорий вблизи русел европейских рек. Именно в начале 860-х годов известный на Западе вождь викингов Рёрик, прервав свою службу императору франков, уходит с дружиной в Ладогу, где им суждено стать той самой летописной «русью», «*rōps*», которая даст имя восточнославянскому государству. Именно в эти годы один из мелких конунгов династии Инглингов, ведшей своё происхождение от Ингви-Фрейра, древнего бога плодородия и соратника Одина, Харальд, примет вызов отказавшей ему невесты и даст обет не мыть, не стричь и не расчёсывать волос, пока не завоюет всю Норвегию. Примерно через десятилетие, уже заслужив прозвище Косматый, он выполнит свой обет и на пиру предстанет таким, каким останется в истории, — Харальдом Прекрасноволосым. Европейский мир бурлит, в нём рождаются новые государства и появляются новые центры силы. Но многое уходит в прошлое...

В первую очередь хотелось бы привлечь внимание читателя к изображению автором обстоятельств повседневной жизни описываемой эпохи. Бергсвейнн Биргиссон отчётливо показывает, какую громадную роль играли в мире раннесредневековых скандинавов родственные связи и генеалогические переплетения, сколь важны были отношения побратимства и приобретённого родства. Архаика и Средневековье — периоды торжества личных связей и отношений, только реально ощущаемая безусловная поддержка «своих» обеспечивает выживание и успех в жизни. Поэтому гипотеза автора об установлении семейного родства норвежских конунгов с вождями племени сихиртя в далёкой Бьярмии, да ещё и в нескольких поколениях, вполне

правдоподобна. Безусловно, предубеждения (от внешнего вида восточных финно-угров до опасений «финского колдовства») в скандинавском обществе были, и весьма сильные — вспомнить хотя бы печальную участь конунгов Ванланди и Агни из «Саги об Инглингах», имевших неосторожность жениться на принцессах из финского племени, или не менее печальную историю самого Харальда Прекрасноволосого, околдованного финкой Снефрид. Однако потребность в ресурсах, необходимых для выживания и лидерства в море конкуренции с другими предводителями, безусловно, могла пересилить любые «но». В этом отношении прямые и повторяющиеся матримониальные союзы с народами, которые должны были казаться скандинавам если не инопланетянами, то, во всяком случае, весьма странными, вполне объяснимы и понятны, хотя и воспринимались как экзотика и с некоторым скепсисом.

Вообще самой ценной и интересной в книге является именно эта черта — акцент, который автор делает на экономической составляющей жизни и ресурсной потребности скандинавов как главным побудительном мотиве дальних плаваний и освоения далёких земель. Это действительно так. На смену романтическим представлениям о белокурых бесстрашных грабителях и убийцах, бороздящих моря и наводящих ужас на христианскую Европу, давно пришли более приземлённые, суровые и куда более адекватные образы. Сегодня мы видим в скандинавах эпохи викингов (с конца VIII в. [на самом деле — гораздо раньше] по вторую половину XI в.) не столько пиратов и разбойников, каковыми они, безусловно, не переставали быть, особенно внутри самой Скандинавии, но, в ещё большей степени, — торговцев, организаторов дальних коммерческих коммуникаций и первопроходцев. Предваряя своих испанских, португальских, голландских, английских и французских последователей, скандинавы проникли в весьма отдалённые земли. Ареал их плаваний, не считая Европы и Средиземноморья, охватил всю Северную Атлантику,

от побережий Северной Америки до Белого моря, полулегендарного Гандвика скандинавских саг, на берегах которого и лежала загадочная и привлекательная Бьярмия. И руководили ими, безусловно, не только живой интерес и природная любознательность, но в первую очередь интерес к тем товарам, которые могут дать эти земли. Разумеется, было бы ошибкой видеть в этом коммерческий интерес первых капиталистов, как порой пытаются представить. Прибыль от торговли, материализованная в золоте и серебре, отнюдь не становилась капиталом — на полученные с помощью богов и собственной удачи средства нелепо покупать материальные блага. В «Саге об Инглингах» Один прямым текстом говорит — «всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом... каждый должен прийти в Вальгаллу с тем добром, которое было с ним на костре, и пользоваться тем, что он сам закопал в землю» (Сага об Инглингах, VIII). Подтверждением этому служат тысячи кладов, найденных в Скандинавии и за её пределами, зарытых викингами как долгосрочный вклад в загробное будущее. Так что за грубым материализмом купца и грабителя, безусловно, маячил чистейший идеализм германского язычества. Впрочем, мы, при наличии великолепного источникового фонда, всё ещё не до конца представляем многие грани этого мировоззрения. Касалось ли всё сказанное только родовитых людей, или всех, ставших участниками походов? Когда окончательно сложился удивительный, противоречивый и странный для верховного божества образ Одина? Каким именно способом следовало умереть, чтобы попасть в число эйнхериев — воинов Одина, пирующих с ним в Вальгалле? Точно ли все остальные, кроме них, попадали в Хель — тот самый Аид с климатом Бергена, как удивительно точно характеризует его Бергсвейнн Биргиссон? Все эти вопросы не имеют пока точного и однозначного ответа и, возможно, никогда его не получают. Но построение автором своей концепции жизнеописания Гейрмунда на основании того, что последний выступал организатором поставок жизненно

важных для кораблестроения (ключевой, наряду с металлургией и производством пищи, отрасли северной экономики) ресурсов и материалов, не только не вызывает возражений, но выглядит предельно убедительной. Разумеется, в жизни всё переплетено. Но среди движущих причин есть важные и второстепенные. Вспомним, что скандинавы пересекали океан на великолепных — однозначно, лучших в Европе — судах, которые, однако, были оптимизированы для внутренних морей континента. Обладая потрясающей мореходностью, кнорры и драккары имели относительно низкий борт и очень простое парусное вооружение. Европейцы отправятся спустя полтысячи лет в океан, имея более водоизмещающие каракки и каравеллы, с несколькими мачтами и множеством парусов, и то это будет крайне рискованным мероприятием. Поэтому каждое плавание скандинавов — в Белое море, в Исландию или Винланд — было, без преувеличения, подвигом.

Бергсвейнн Биргиссон погружает читателя в атмосферу современной науки глубоко и правдиво. Описания гавани Авалдснеса основаны на проводившихся в последние десятилетия исследованиях этого интереснейшего поселения — как полагают многие, едва ли не старейшей и однозначно самой крупной в Норвегии усадьбы конунгов начиная с вендельского или меровингского времени (V–VIII вв.). Этот важнейший пункт на морском пути вдоль фьордов оживает в книге, как оживают в ней становища сихиртя на берегу холодного моря, встреча могущественных хёвдингов в пиршественном зале в Ирландии, быт женщин-рабынь в Квеннахолле в Исландии и множество других сцен северной жизни этого удивительного времени. Автор легко играет с топонимикой, искусно связывая близкие сердцу Гейрмунда названия географических объектов в Норвегии и на его новой родине, в Исландии. Вспомним, что главная для исландцев всех времён книга — «Книга о занятии земли», повествующая о первопоселенцах Исландии, — в оригинале называется *Landnámabók*, от глагола *petta*, *pát* — «брать». То есть книга «забирания», «освоения»

этой земли в прямом смысле понятия «свой». Понятие присвоения логически смежно с понятием имянаречения. Называя, ты даёшь чему-либо или кому-либо новую жизнь, но одновременно и «осваиваешь» и «присваиваешь» его. Назвать что-либо, наречь именем – древний акт творения, по сути. И перенос знакомых с детства названий здесь вполне закономерен и объясним.

К слову сказать, автор касается очень важной темы — социального состава первооселенцев в Исландии. Традиционно считается, что уникальный мир исландского народоправства, отражённый в сагах, был следствием равных стартовых условий первооселенцев, составивших своего рода «общество равных» — как прав, так и возможностей. Бергсвейнн Биргиссон привлекает наше внимание, на примере Гейрмунда, к тем аристократам, которые вынуждены были бежать из Норвегии и влились в исландское общество одними из первых. Это интереснейшая тема, которая требует дальнейшего внимания и исследования — как и какими путями эта уменьшенная копия Норвегии пошла по пути формирования уникальной и аутентичной родовой демократии и какое место этот феномен занимает в истории мировых политий?

Автор отлично знает археологию своей родной Исландии, как и Норвегии и Британских островов, арктических побережий. Близкое знакомство со многими исследователями (в том числе и у научного редактора имеются общие знакомые с Б. Биргиссоном) обеспечивает ему достоверность материального контекста и убедительность даже весьма смелых предположений. География мест, где жил главный герой, освоена автором досконально, немало времени отдано и историческим реконструкциям, и экспериментальной археологии, в частности, топленю жира моржа. Бергсвейнн Биргиссон — тот, кого столетие назад именовали бы «умелым бытописателем». Детальное знание бытовых подробностей, образа мыслей и ценностных установок обитателей древнескандинавских усадеб, умение домыслить и масштабировать

картину происходящего обеспечивают читателю погружение в этот мир, тот самый эффект присутствия за пиршественным столом, на скотном дворе, на палубе корабля в штормовом море или в кругу рабов, вытапливающих тюлений и моржовый жир у выложенной камнями ямы на берегу моря. Книга изобилует примерами того, что принято называть микроисторией — жизнь человека, нюансы отношений в усадьбе, судьбы конкретной семьи, — всё то, что стало популярно в новой исторической науке после того, как история сто лет назад перестала быть хроникой великих сражений и великих правителей, в одиночку меняющих судьбы мира.

Интересны и те части книги, где автор пытается взглянуть на мир раскосыми глазами Гейрмунда, понять и реконструировать факторы, формировавшие его личность в детстве и юности, побудительные мотивы его поступков в зрелом возрасте, увидеть «от первого лица» родичей, друзей, врагов, соратников, любимых, рабов главного героя, понять его и слиться с ним. Здесь хороши все средства, включая телефонный звонок от автора своему далёкому предку в потусторонний мир. Надо признать, что при всей широте и изощрённости фантазии, при весьма смелых допущениях, Бергсвейнн Биргиссон нигде не переходит черту разумности вымысла. Вся мотивация героев до предела прозрачна и вполне соответствует как логике эпохи, так и специфике скандинавского мировосприятия той поры.

Прозвище главного героя буквально означает «С кожей Хель» и может быть осмыслено с разных точек зрения. Хель — это безрадостный мир мёртвых (в германских языках вскоре это слово станет обозначать христианский Ад), но, одновременно, это и его хозяйка, пугающее и зловещее существо женского пола, не имеющее точной иконографии. Вполне вероятно, что скандинавы представляли её как гибрид женщины inferнальной внешности и полуразложившегося трупа, но это лишь предположение. Несомненно лишь то, что атрибутом этого существа являлась

мертвенно-бледная или потемневшая от разложения и холода кожа землистого оттенка. И, следовательно, прозвище Гейрмунда могло соотносить его с внешностью хозяйки загробного мира, но и одновременно значить буквально «Чёртова, Адская Кожа». Неудивительно двойственное отношение окружающих, живущих в рамках традиционной культуры, к появлению среди них человека иного расового типа, который к тому же наследует очень высокий социальный статус. Архаическое общество имело принципиально иные установки и вряд ли было подвержено ксенофобии в нашем понимании этого термина. Но стандарты красоты никто не отменял: саги никогда не упускают возможности отметить красоту одних героев и подчеркнуть непривлекательные черты внешности других. И нет сомнения, что фактор «нестандартности» облика Гейрмунда Хельярскина оказал сильнейшее воздействие на его психику в раннем возрасте и вряд ли перестал действовать в зрелом.

Разумеется, не со всеми идеями автора можно согласиться. Так, предположение, что среди исландских скал периодически «звучало монгольское горловое пение», интересно, но слегка утрировано и является скорее художественной гиперболой. Мысль о насильственной женитьбе молодого Гейрмунда в далёкой Бьярмии на девушке из самоедского племени, в целом, не выходит за рамки образа действий людей той эпохи, но является, безусловно, авторской фантазией (отнюдь не невозможной в реальности). Очень поверхностно, «широкими мазками», на наш взгляд, подан переход главного героя от деятельности в Бьярмии к политическим и экономическим играм в Ирландии — словно бы в театре опустился занавес, поднялся — и перед нами, без перерыва, новое место действия и новые герои. Вообще вся «сибирская ветка» сюжета несёт на себе неистребимый налёт той таинственной «Сибири», которая возникла в коллективном сознании европейской цивилизации в новое время и которая сродни столь же таинственной

и парадоксальной «России», которую — с большим или меньшим успехом — исследует, открывает и иногда придумывает для себя уже несколько веков Европа. Несколько размыта социальная структура скандинавского общества. Мы видим на страницах книги влиятельных вождей-хёвдингов, в чьих жилах текла древняя королевская кровь, и весьма колоритные образы примерно равных им соратников, друзей и побратимов, а также не менее колоритные образы рабов и рабынь. Однако из поля зрения выпадает основная масса населения, отнюдь не безлика и не молчаливая. Основные действующие лица скандинавской истории не возводили свой род к богам Асгарда, однако эти крестьяне-бонды, на которых держалась вся северная цивилизация, и образовывали тот «средний класс», которого почти не видно в романе.

Но, по сути, больше нам придаться не к чему.

С другой стороны, Бергсвейнн Биргиссон поднимает в своей книге две глобальные научные и мировоззренческие проблемы, решение которых для редактора, как и для самого автора, очевидно, чего нельзя сказать о всём научном сообществе нордистов разных специальностей.

В первую очередь — это проблема достоверности данных саг. Север оставил богатейшее письменное наследие. О скандинавах эпохи викингов, особенно об исландцах, написано столько, сколько не написано обо всей остальной Европе раннего Средневековья. Это уникальный фонд, целая библиотека источников, описывающая буквально все стороны жизни, от политики конунгов и религиозных взглядов до покроя одежды и подробностей устройства жилищ и отхожих мест. При этом данный фонд был записан лишь в XII–XIV веках, то есть спустя минимум два-три столетия после описываемых событий и в принципиально другом, христианском обществе — хотя слушали саги и записывали их прямые потомки тех, о ком в них шла речь. Достоверно ли то, что до нас дошло? Ведь уже Снор-

ри Стурлусон в своём «Языке поэзии» (составная часть «Младшей Эдды») вынужден был объяснять значение некоторых поэтических кеннингов и отдельных событий и моделей поведения, которые вышли из употребления и были непонятны. Ещё сравнительно недавно среди зарубежных учёных господствовал гиперкритицизм в отношении сведений саг, и эта тенденция не вполне исчезла в наши дни. Представление о сагах как о сугубо художественной литературе, описывающей поведенческие паттерны и обычаи времени их записи, а не эпохи викингов, прочно присутствуют в современном научном дискурсе. Но, к счастью, ситуация меняется. Справедливости ради надо отметить, что в отечественной скандинавистике всегда (со времён А. Я. Гуревича и М. И. Стеблина-Каменского, во всяком случае) господствовало корректное и уважительное отношение к саге как к историческому источнику. Бергсвейнн Биргиссон убедительно показывает, как верифицируются данные саги, как противоречивость её сведений свидетельствует о древности имеющейся информации, как сопоставление археологических, топонимических, письменных и естественнонаучных данных позволяет строить убедительную картину прошлого. То, что это найдёт читателя как в учёной среде, так и за её пределами, — однозначно хорошо.

Второй аспект не менее важен. Автор однозначно настаивает на ценности древнескандинавской культуры и необходимости её всемерной популяризации. Словами своего учителя он выносит чёткое суждение: изучающий северную культуру «должен прежде всего признать в своём сердце, что эта культура *не* примитивна». И это абсолютная истина. Комплекс древнегерманской и, отчасти, кельтской культур сформировал в Северной Европе вполне равноценную Средиземноморью самостоятельную цивилизацию. Со своими привычками и стереотипами, своим рационом питания, своими ценностями и идеями. К счастью, состояние источников таково, что значительная часть этого наследия вполне доступна

изучению и восприятию. Речь идёт скорее о популяризации ценности этой культуры, поскольку в сознании не только обывателя, но и многих вполне учёных людей мир продолжает быть основанным на плодах греко-римской цивилизации. Как справедливо говорит Бергсвейнн Биргиссон, «мы начинаем университетское образование с обязательного курса греческой философии, а вот достижения мысли древнескандинавской культуры полностью отсутствуют в расписании и, судя по всему, скоро вообще не будут предметом изучения в университетах». Под этими словами можно только подписаться, поскольку именно германские племена за тысячелетие выстроили на развалинах античности современную европейскую цивилизацию, определив её приоритеты и смыслы существования, а германский образ мышления наиболее полно открывается для нас через скандинавский мир эпохи викингов.

Пожелаем же читателю увлекательного путешествия вместе с автором и героями этой реалистической саги-исследования по давно исчезнувшему миру, которому мы стольким обязаны и прямыми наследниками которого являемся.

*Научный редактор — А.А. Хлезов,
доктор философских наук,
кандидат исторических наук, профессор*

*Памяти моего старого учителя
Пребена Мёленгракта Сёренсена
(1940–2001)*

*И если я сойду в страну теней,
Боюсь, безумен буду я, не боле.*

*Данте Алигьери,
«Божественная комедия»,
Ад, Песнь вторая, 34–35,
перевод М. Лозинского*

ПОРЫБАЧИМ В ГИННУНГАГАПЕ, БЕЗ ДНЕ ПРОШЛОГО

ГЕЙМУНД «ЧЁРНЫЙ ВИКИНГ» ХЬЁРСОН*

ИРИ ГЕЙМУНДСДОТТИР	875
ОДДИ КЕТИЛЬССОН	920
ХАЛЛЬВЕЙГ ОДДАДОТТИР	980
СНОРРИ ЙОРУНДАРСОН	1012
ГИЛЬС СНОРРАСОН	1045
ТОРД ГИЛЬССОН	1075–1150
СТУРЛА ТОРДАРСОН	1115–1183
ХЕЛЬГА СТУРЛУДОТТИР	1180
ГИДА СЁЛЬМУНДАРДОТТИР	1225
ХЕЛЬГА НИКУЛАСДОТТИР	1240

*** О принципе передачи имён и топонимов в этой книге**

В современном скандинавском узусе принято передавать все древнескандинавские (погтөл) имена и топонимы в соответствии с фонетикой того современного языка, на котором написан текст. Например, названия долины Víðardalr и хутора Вæг в Исландии IX в. в современном норвежском тексте о событиях той эпохи будут везде выглядеть как Vuadalen и Vø, а в современном исландском везде — как Víðardalur и Væg (произн.: vajr). В русской скандинавистике, напротив, принято строжайшим образом различать передачу произношения древних и современных топонимов и имён. В нашем издании приводятся древние варианты произношения скандинавских имён и топонимов, когда они относятся к событиям IX–XI вв., и современные варианты (исландские или норвежские, в зависимости от того, о какой стране речь), когда описывается современность.

Это может быть проиллюстрировано таким гипотетическим примером: современные историки — норвежец Осмунд и исландец Аусмюнд сидят в аудитории где-то в Ругаланне и обсуждают события, произошедшие тысячу лет назад в Рогаланде с человеком по имени Асмунд.

(Прим. ред. О.А. Маркеловой)

ЭЙНАР ТОРЛАКССОН	1 2 8 0
БЕЗЫМЯННАЯ ЭЙНАРСДОТТИР	1 3 4 0
НАРВИ ВИГФУССОН	1 3 6 5
ХАЛЛЬДОРА НАРВАДОТТИР	1 4 0 0
НАРВИ ТОРВАЛЬДССОН	1 4 2 5–1 4 8 5
АННА НАРВАДОТТИР	1 4 7 5
ЛОФТУР ГУДЛАУГССОН	1 5 0 0–1 5 6 4
АРНОР ЛОФТССОН	1 5 4 0–1 6 1 0
АННА АРНОРСДОТТИР	1 5 9 0
ХАЛЛЬДОРА БЬЁРНСДОТТИР	1 6 2 0
АУСГЕЙР ЙОУНССОН	1 6 5 0–1 7 0 3
ГВЮДМЮНД «МЛАДШИЙ» АУСГЕЙРСОН	1 6 8 7–1 7 3 9
ОЛЁВ ГВЮДМЮНДСДОТТИР	1 7 2 3
БЬЯРНИ ПЬЕТЬРСОН	1 7 4 5–1 8 1 5
ЙОУН БЬЯРТНАСОН	1 7 9 3–1 8 7 7
ХАЛЛЬДОР ЙОУНССОН	1 8 3 1–1 8 8 5
РАГНХЕЙДЮР ХАЛЛЬДОРСДОТТИР	1 8 7 6–1 9 6 2
ГВЮДЙОУН ГВЮДМЮНДСОН	1 9 1 7–2 0 1 0
БИРГИР ГВЮДЙОУНССОН	1 9 4 0
БЕРГСВЕЙНН БИРГИССОН	1 9 7 1

© 1997–2011

*Íslensk erfðagreining ehf og Friðrik Skúlason
ehf Allur réttur áskilinn*

Когда я был маленьким, моя семья жила на окраине Рейкьявика. К нам в гости часто приходил один старик. Дело было в начале 1980-х годов. Друга моих родителей звали Снорри Йёунссон. Снорри вырос на Хортнстрандире, в бедной пустынной области на самом севере Исландии. Как и многие другие обитатели тех краёв, Снорри уехал из дома в пятидесятые годы, но мыслями остался там и всегда с теплотой рассказывал о родных местах. Этот сухопарый мужчина говорил громко, перекрикивая птичьи крики и шум прибоя. Он принадлежал к знаменитым «ползунам» — так называют людей, которые по верёвкам взбираются на скалы и, скользя от гнезда к гнезду, собирают птичьи яйца.

Его героем был первопоселенец Гейрмунд Чёрная Кожа, мой предок в тридцатом поколении. Даже о недавно избранном президенте Вигдис Финнбогатоттир Снорри не отзывался так уважительно. Мне было лет десять-двенадцать, и я не всегда до конца понимал истории, которые Снорри рассказывал о Гейрмунде и его людях. Большинство этих историй я уже позабыл, но одна из них произвела на меня настолько сильное впечатление, что я до сих пор её помню. Звучала она примерно так:

На Хортнстрандире у Гейрмунда было много ирландских рабов. Жилось им несладко, они тяжело трудились, а кормили их плохо. И вот однажды они решили сбежать. Они украли маленькую вёсельную лодку и устремились на ней прочь от земли. Они не слишком разбирались в навигации, просто хотели убраться как можно дальше. Они гребли и гребли, пока не добрались до небольшого островка в устье фьорда, там они и остались. Этот островок до сих пор называется Ирландский остров — Ирабоди. Если бы эти несчастные продолжили свой путь по морю, то наверняка очутились бы на Северном полюсе.

Я мысленно представлял себе эту историю. По какой-то причине рабы казались мне монахами в куртках из толстого сукна с наполовину выбритыми головами. Их лица грязны, серьёзные неподвижные глаза устремлены вдаль. В их взглядах — страх. Одни держат в руках вёсла, другие пытаются грести обычными досками. На грязных лицах выделяются белки глаз. Их жизни сейчас в их руках. Прочь ото всего. Любая другая страна должна быть лучше этой. Они прибывают на островок в пучине моря. Возможно, они думают: где мы окажемся, если продолжим наш путь? Свалимся ли мы с края земли? Я вижу, как они трясутся от холода под порывами северного ветра, вздымающего огромные волны. Они съели и выпили всё, что взяли с собой, и к этим людям, приняв обличье холода, потихоньку подбирается смерть. Их руки и ноги постепенно немеют. Может быть, они поют грустные ирландские песни или псалмы (наверняка они были христианами) и лежат, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло? Можно попытаться представить себе мучительность такой медленной смерти. Помогли ли они друг другу умереть?

Тем временем Гейрмунд Чёрная Кожа обнаруживает пропажу рабов и отправляется в море на их поиски. Интересно, были ли рабы ещё живы, когда он отыскал их? Видели ли они паруса корабля своего хозяина?

Уверенными мы можем быть только в том, что все они погибли. И волны смыли их останки, разодрали в клочья суконную одежду, которая когда-то грела их, очистили скелеты от плоти и сухожилий, чтобы потом позволить налетевшему с севера шторму измельчить кости в порошок, не оставив на земле ни единого следа от этих людей. Они умерли, все до одного. Но, по крайней мере, они умерли достойными людьми на своём собственном островке, где никто не мог отдавать им приказы и унижать.

Этот островок стал землёй ирландцев, и он получил название, которое не даёт полностью исчезнуть памяти о них: Ирабоди, остров Ирландцев.

Снорри тоже не стало, в отличие от его истории.

Спустя примерно десять лет после того, как я услышал от Снорри историю об ирландских рабах, летом 1992 года, я сидел в рыболовном ботике в одном из отдалённых фьордов на Западном побережье, немного южнее Хортнстрандира. В те времена летом я занимался рыбной ловлей и арендовал у родственника ботик, который острые языки называли лоханью. Я рыбачил в летние месяцы, чтобы оплачивать учёбу в Рейкьявике в зимние. Я сижу, смотрю на карту и размышляю, куда мне направиться завтра, и вдруг случайно замечаю старого знакомого, который отличается от всех других островков и шхер тем, что располагается на расстоянии больше десяти километров от побережья: Ирабоди.

У меня вновь разыгралось воображение. Суконные лохмотья. Белые внимательные глаза на грязных лицах. Люди, гребущие досками, чтобы сбежать из ужасного рабства. Дрожащие на островке тела. Бьющие о берег волны.

Думаю, что именно сказанию Снорри, а вернее сказать, его глубоким переживаниям по поводу рассказанного, я должен быть благодарен за создание этой книги. В немалой степени потому, что много времени спустя я понял, что средневековые учёные мужи, те, что записали саги о первых поселенцах в Исландии, не разделяли моего желания рассказать о Гейрмунде. Откуда же взялся рассказ Снорри? Неужели я стал свидетелем последних искр повествовательной культуры, которая с древних времён сохранялась на Хортнстрандире? Из головы не выходил вопрос: *Кем был Гейрмунд Чёрная Кожа?* Что он делал с рабами здесь, на самом Крайнем Севере? Почему не существует саги о том, кого называли «самым славным из первопоселенцев»? Почему его называли чёрным и уродливым, ведь так обычно описывали рабов? Правда ли, что его предки были родом из Бьярмаланда? Откуда он взял ирландских рабов? Захватил сам или купил? На

какие деньги? Неужели рассказы о его богатствах всего лишь байка, ведь мы говорим о нищей Исландии? Разве этого материала мало для хорошей саги?

Ирония судьбы заключается в том, что, углубляясь в историю о Гейрмунде Чёрная Кожа, я, помимо прочего, изучал географические названия и выяснил, что сказание об Ирландском острове, скорее всего, появилось в более позднее время. Существует множество сказаний, которые пытаются объяснить старинные топонимы. Топоним Ирабоди мог появиться в более поздние времена, и он отсылает нас к какому-то случаю, когда ирландцы — по своей воле или против неё, свободные или несвободные — высадились на этом острове.

Люди помнят свой опыт и преобразовывают его в сказания и истории, не задумываясь о том, правдивы они или нет, главное, чтобы в них был смысл. Можно предположить, что в многочисленных имениях Гейрмунда в Исландии было несколько сотен ирландских рабов. Когда ресурсы постепенно начали иссякать, многие из них оказались на землях у фьорда Брейдафьёрд к северу от Хортнстрандира, которые изначально занял Гейрмунд. Как правило, рабы прибывали из более тёплых мест, и им наверняка приходилось нелегко в суровых северных условиях. Поэтому вполне вероятно, что кто-то из них попытался сбежать — большинство историй о рабах в древнескандинавских источниках повествуют о побегах от господ. Значит, сказание об Ирландском острове могло появиться когда угодно в более поздние времена. Может быть, кто-то из рабов Гейрмунда окончил свои дни на Ирландском острове. А может, и нет.

Какой-то человек из былых времён соединил информацию о Гейрмунде Чёрная Кожа из старинных текстов с географическим названием из своей местности, чтобы одно объяснило другое. Сказание стало попыткой сохранить память о загадочном Гейрмунде Чёрная Кожа, приблизить его, сохранить память о его удивительных предприятиях на берегу Северного Ледовитого